

Протоиерей Александр Глаголев

Непреходящее значение Ветхого Завета профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Рецензия на книгу: Кауч Э.

(Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments, von Emit Kautzsch, Tübingen und Leipzig, 1902 §38).

На эту тему известный немецкий библеист-профессор богословия в Галльском (Halle) университете Эмиль Кауч в октябре прошлого (1901) года предложил публичное чтение в собрании «Саксонской церковной конференции» в Хемнице. Это чтение в несколько измененном виде он вскоре и издал в свет под вышеуказанным заглавием. В виду несомненной существенной важности трактуемого здесь вопроса, а также и признанного авторитета проф. Э. Кауча, уже свыше сорока лет трудящегося в области ветхозаветной библейской науки, считаем нелишним познакомить читателей нашего журнала с содержанием интересной брошюры о «непреходящем значении Ветхого Завета». Изложим полностью последовательный ход мыслей автора и на основании анализа идей автора посмотрим, в какой мере суждения протестантского ученого о предмете удобоприемлемы для православно-русской библейской науки, для школьного изучения Ветхого Завета, также как и для чтения его с целью назидания и поучения членами православной церкви.

Значение Ветхого Завета для христиан после явления Нового в истории богословской мысли и христианской жизни многократно отрицалось по побуждениям неодинакового свойства. Более древние отрицания опираются на основания теоретические или религиозные. Так, в древности безмерное преувеличение противоположности закона и евангелия привело Маркиона к учению о том, что закон Моисеев происходит не от высочайшего Бога, явившегося во Христе, а от низшего бога иудеев, изобретшего закон на мучение последних. В новое время Кант отрицательно относился к Ветхому Завету: с одной стороны, потому что не признавал действительности исторического откровения, а всю суть ветхозаветной религии полагал в тех постановлениях, на которых основывалось государственное устройство евреев; с другой стороны – вследствие предполагаемого отсутствия в Ветхом Завете веры в праведное воздаяние в будущей жизни и – наличности там эвдемонистической

(«гетерономной») этики.

В новейшее время нарекания на Ветхий Завет приняли другой, практически-радикальный характер; мотивы отрицания здесь различны, но цель одна – совершенное устранение или изъятие Ветхого Завета из употребления. Крайним выразителем полного отрицания Ветхого Завета является Геккель (автор наш считает позорным пятном для немецких университетов то обстоятельство, что доселе никем из их представителей не сделано надлежащего опровержения сочинения Геккеля *Welträtsel*, 17-я глава которого исполнена ядовитых нападок на Ветх. Завет). Социал-демократы со всею ревностью пытались развенчать нравственный характер, как выдающихся ветхозаветных праведников, так и библейских писателей, восхваляющих их. Этого рода нападки особенно упорны, потому что выходят из справедливого убеждения, что здесь идет борьба против одной из могущественнейших опор существующего общественного порядка; опасна же подобная литература потому, что пользуется отчасти неоспоримыми научными данными, хотя и в ложном их освещении. Опровержение здесь возможно лишь тогда, когда раз и навсегда откажутся от произвольной «адвокатуры». В последнее время отрицали значение и отвергали употребление Ветхого Завета с антисемитической и педагогической сторон. Антисемиты доказывали, что такие расовые особенности евреев, как эгоизм, страсть к наживе и под., обнаруживаются в неприглядном свете уже в Ветхом Завете; поэтому на V конгрессе антисемитической «немецко-социальной партии реформ» (в 1899 г. в Гамбурге) предложено было изъять Ветхий Завет из христианских школ. И независимо от антисемитизма, с чисто педагогической точки зрения, в последнее время признавалось делом нежелательным введение христианского ребенка в ветхозаветный мир идей, что было бы возвращением к низшей, окончательно пережитой в христианстве ступени и могло бы подавать повод к смешению различных ступеней; впрочем, историческое значение и относительная высота Ветхого Завета здесь признавались. Это, очевидно, наиболее достойный серьезного внимания вид отрицательных суждений по вопросу о «непреходящем значении Ветхого Завета».

Вопреки всем этим отрицаниям должно быть доказано такое значение Ветхого Завета, и притом не только вообще для христианской церкви и общества, но также, в частности, и для христианской школы. Но, чтобы обеспечить себе успех в этом, мы, говорит автор, должны: во-первых, честно и бесповоротно отказаться от всех несостоятельных апологетических приемов доказательства; во-вторых, правильно оценить

значение тех данных, которые, хотя сами по себе не лишены важности, но по отношению к главному предмету образуют лишь наружные укрепления – именно: значение Ветхого Завета в отношении к светской истории и в отношении эстетическом; и в третьих, доказать собственное и по истине пребывающее значение Ветхого Завета в этическом и специально-религиозном отношениях.

I. Прежде всего, несостоятелен всякий остаток механической теории боговдохновенности, приписывающей каждой букве Ветхого Завета абсолютную непогрешимость и равную ценность. В практике положение это давно уже признано: теперь уже не считают одинаково важными в смысле поучительности, напр., родословие кн. Паралипоменон, Ис. 1 гл. или Пс. 1. Но следует и в теории спокойно и беспристрастно различать между духом откровения одушевляющим целое, и частностями Писания, неодинаково выражающими мысли Божии. Нельзя в доказательство равноценности всех элементов Ветхого Завета ссылаться на согласное свидетельство в пользу «синагоги и церкви»: воззрение ортодоксального иудейства в действительности слишком далеко от этого тезиса, поскольку оно учит о различных степенях боговдохновенности, святости, важности и необходимости трех частей еврейского канона: закона, пророков и апографов. Различение – ложное, превратное, что особенно сказывается в принижении у раввинов пророчества пред законом; но оно показывает, что традиция сама по себе не дает объективного масштаба для правильной оценки содержания откровения. Господь Иисус Христос дает нам иное начало для этой оценки. Прежде всего, слово Господа: «не думайте, что Я пришел нарушить закон, или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф.5:17), исключает всякую противоположность между учением и требованиями Ветхого Завета. Как понимается здесь «исполнение» закона и пророков, видно на примерах пояснения в Нагорной проповеди пятой и шестой¹ заповедей десятословия (Мф.5:21–25, 27–30): ветхозаветное запрещение убийства и прелюбодеяния остается во всей силе, но оно несравненно расширяется и углубляется, поскольку простое оскорбление брата ставится на одну ступень с убийством или мысленное прелюбодеяние приравнивается к фактическому. Но в других изречениях Господа мы имеем уже прямое устранение ветхозаветной точки зрения; таковы слова Его народу: «не то, что входит в уста, оскверняет человека» (Мф.15:11) – здесь отмена ветхозаветных постановлений о пище, имевших, однако, (при Маккавеях) своих мучеников. Таково же Его запрещение развода (Мф.5:31–32, 19:4–9) и клятвы (Мф.5:33–37). Но особенно ясно различие Им духа Нового Завета

от духа Ветхого в известных словах к «сынам грома» (Лк.9:55). Отсюда христианское суждение о нравственных принципах Ветхого Завета не должно быть стесняемо искусственными попытками к его оправданию, вызываемыми названной теорией боговдохновенности. Ветхозаветных народных представлений о браке и прелюбодеяния о неодинаковой ценности раба и свободного, о мести и под. Бог не заповедовал никому, и защищать их – значит оказывать плохую услугу Ветхому Завету. Но всюду, где ведется борьба против этих недостатков естественного человека, и предуготовляется победа над ними, всюду там – Дух Божий, Слово Божье, там вечное и непреходящее, и – благодарение Богу! – этого уже в Ветхом Завете чрезвычайно много. Та же свобода суждения принадлежать должна и пониманию религиозно-идейного содержания Ветхого Завета. Напрасный труд – отрицать или затушевывать приуготовительный характер и несовершенство религиозного ведения в Ветхом Завете по разным вопросам. С точки зрения упомянутой теории боговдохновенности, конечно, было бы богохульством признание в Ветхом Завете неточных, несовершенных мнений. Но это – человеческая теория, которая не отвечает действительному положению дела и совершенно неуместно указывает Богу другой путь, чем каким Он благоволил вести род человеческий. Тот учитель Церкви², который говорит о приспособляемости премудрости Божьей к слабости человеческого познания, дабы постепенно, а не силою, привести людей к познанию, – без сомнения, глубже понимает существо Откровения, чем изобретатели хитрых определений понятия Откровения в протестантской схоластике. Поэтому представляются «ревностью по Богу, но с неразумением» попытки отрицать наличность в Ветхом Завете остатков анимизма (веры в духов) и относительного монотеизма (признания существования других богов на ряду с Иеговою) или стремление примирить Моисеево повествование о творении мира с естественными науками (тогда как действительное откровенное содержание этого повествования – проповедь о бесконечном всемогуществе, премудрости и благодати Бога вечного и живого).

В частности, в школьном употреблении Ветхого Завета особенно следует освобождать детей от изучения всего, имевшего в Ветхом Завете лишь приуготовительный характер. Несостоятельно и вредно, наконец, чрезмерное спиритуализирование ветхозаветных ожиданий, мессианских надежд, причем пророчество и исполнение представляются в каждом отношении покрывающими друг друга. Между тем мессианские чаяния в Ветхом Завете находили неизбежные ограничения – со стороны

национальности и по месту. Христианское понимание пророческого слова никогда не может остановиться на одной букве пророчества, но оно преобладает букву не отрицанием буквального смысла пророчества, а тем указанием, что исполнение совершилось иначе – именно бесконечно славнее и величественнее, чем как предугадывало само пророчество.

Признание таких границ ветхозаветных бросает тем больший и ясный свет на места, где границы эти фактически рушились: пророк, возвещавший Новый Завет, где закон написан на сердцах (Иер.31:33), пророк, требующий раздиранья сердец, а не одежд (Иоил.2:13). Псалмопевец, признающий правую жертвою Богу дух сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное (Пс.50:19), – имели глубокое предчувствие поклонения Богу в духе и истине (Ин.4:23–24), глубокое сознание несовершенства ветхозаветного богослужения Богу в сравнении с этим – новозаветным.

II. Для раскрытия непреходящего значения Ветхого Завета имеют относительную важность значение его художественное, эстетическое и его значение в качестве исторического источника. В художественном отношении могут быть сравниваемы и оцениваемы как образцы повествовательного искусства, так и образцы искусства поэтические. Не все повествования стоят на одинаковой художественной высоте: напр., главы Быт. 3, 11, 18, 19, 24 и др. являются несравненными произведениями повествовательного искусства, в сравнении с которыми так называемые элогистические отделы являются несколько тяжеловатыми. Впрочем, тонкое наблюдение обнаруживает и в них присутствие сознательного искусства. И ветхозаветная историография имеет высокую художественную ценность. Такие исторические повествования, как Суд. 9 гл. возбуждали удивление серьезных историков; отдел 2Цар. гл. 9–20 поражает читателя тонким прагматизмом изложения и психологической характеристикой Давида. Но с чего начать и чем кончить должен тот, кто захотел бы осветить художественное значение еврейской поэзии, особенно религиозной лирики – этого неисчерпаемого источника вдохновения и назидания для бесчисленных миллионов? Если, кроме мощных произведений лирики, как псалмы 22 (евр. 23), 45 (46), 89 (90) и 102 (103), вспомним о таком, единственном в своем роде, произведении, как книга Иова, его дивном построении и его величественных изображениях природы (гл. 38 и дал.), то должны сказать: если бы даже когда-либо пришлось свести непреходящее значение Ветхого Завета к минимуму, то и тогда между поэтическими памятниками всемирной литературы прошлого и будущего времени он удержал бы почетное место. Такое же значение

имеет Ветхий Завет и как исторический источник в самом общем смысле, независимо от его религиозного значения. Известны громадные успехи новейших исследований в области древних памятников, особенно со времени дешифрования клинописей; новые открытия пролили яркий свет на эпоху библейскую и немало послужили на пользу библейской науке, осветив, напр., в тель-амарнской переписке совершенно дотоле неведомую область – политическое и культурное состояние передней Азии около 1400 г. до Хр. Но было бы грубым заблуждением думать, будто теперь сказания Библии сделались излишни для исторической науки. Не говоря о том, что материал, черпаемый из открытий, в большинстве случаев делается понятным лишь при свете Библии, есть много областей, для которых последняя и теперь остается, как прежде была, единственным историческим источником; напр., ассирийские клинописи, при всем своем богатстве, дают нам лишь немногие имена израильских и иудейских царей, а в Библии мы имеем оба параллельных ряда царей без пропусков. Этнографическая таблица в Быт. 10 гл. после всех открытий остается ничем незаменимым документом первого ранга. А какую неизмеримую важность для историка имеет чрезвычайно богатый материал для культурной и религиозной истории Израиля и соседних народов за тысячелетний период – материал, заключающийся в Ветхом Завете! Влияние его идей, совершенно не имея в виду религиозного фактора, мы видим на всем нашем миросозерцании и словоупотреблении, на всей культуре христианских народов. Но совершенная необходимость Ветхого Завета для обучения юношества и для нравственного преуспевания христианских народов открывается из оценки собственно нравственного и религиозного содержания Ветхого Завета.

III. Если и выделить со всей педантичной строгостью все неудобное в педагогическом отношении, все несовершенное с точки зрения христианской морали, то какое все же богатство нравственных примеров и побуждений останется в Ветхом Завете! Уже десятословие в зерне заключает весь канон нравственности, хотя первой задачей оно, может быть, имеет не установление нравственных принципов, а предупреждение правонарушений, посягательств на права Бога и ближнего. Было бы невознаграждаемой потерей устранение этих «ляпидарных постановлений» из христианской педагогики. Затем, особенная важность с нравственно-педагогической точки зрения принадлежит повествованиям из области первобытной и патриархальной истории: все попытки заменить их, для учения юношества, какими-либо суррогатами, вроде сцен из Одиссеи, картин истории Робинзона и т. п., решительно неудачны и должны быть

отвергнуты. Всякая другая материя легко исчерпывается в своем значении и использовании; о рассказах вроде Быт.3 гл. этого сказать нельзя, наоборот: в первый момент душою ребенка воспринимается лишь малая часть всего истинного содержания такого рассказа, но эта часть воспринимается ребенком не без инстинктивного ощущения присутствия здесь мысли о важнейших вопросах души человеческой. А это ощущение производит чувство, что здесь каждый стоит на святой земле, и это составляет невознаградимую чарующую силу этих рассказов, благодаря которой они, и только они, могут захватывать внутреннюю глубину детской души. «Методический анализ» и обдуманые указания к этим рассказам не исключаются, но выше и плодотворнее всего непосредственное впечатление этих рассказов на душу, которое и становится в ней плодородным семенем.

Тысячекратное свидетельство матерей, учителей и миссионеров удостоверяет незаменимость чарующего впечатления истории Иосифа никакою другою материей, и главное основание этого – в том, что история Иосифа поистине типичным образом выражает глубоко утешительную веру в чудесное и абсолютно справедливое управление человеческих судеб рукою Божией: «вы умышляли против меня зло, а Бог обратил это в добро» (Быт.50:20) – таков итог, выводимый самим Иосифом из всего случившегося. Не менее важно свидетельство истории Иосифа о святости неписанного нравственного закона (Быт.39:9). Но главное, в чем особенно выражается значение Ветхого Завета, как сокровища нравственного поучения, это – глубоко нравственный характер целого ветхозаветного мирозерцания, несмотря на относительное несовершенство нравственного суждения. Основание этого – в живой вере в безусловную святость и правду Божью и в основывающемся на этом страхе Божьем; по слову Господа, в заповеди о любви к Богу и ближнему заключаются весь закон и пророки (Мф.22:37–40), а по ветхозаветному мудрецу, страх Божий – начало премудрости (Притч.1:7). Отражение и влияние религии Израиля в его жизни видно не столько из требований закона, хотя и в законе есть отдельные обнаружения самого тонкого нравственного чувства, параллелей которым мы напрасно искали бы в античных законодательствах (напр., Исх.23:4–5, ср. Втор.22:1 и особенно Втор.24:10), сколько в произвольных свидетельствах, напр., книги Руфь: подобного проникновения всего существа и жизни религиозною точкою зрения и нравственными принципами мы не встретим нигде в языческой литературе.

Собственно религиозное значение Ветхого Завета основывается

прежде всего на чистоте ветхозаветного понятия о Боге. Правда, нельзя приписывать эту глубину и чистоту уже первым временам религий Израиля: в этом пункте особенно имеет место медленное преобразование идей от сильно антропоморфического и антропатического представления о Боге (Быт.3:8: Бог ходит в раю в прохладе дня; Быт.18 гл.: Бог у Авраама под дубом принимает земную пищу и сошел на землю исследовать на месте грех Содомы и Гоморры; с другой стороны – Бог Синая, перед которым трепещет народ, Исх.19–20; ср. также вопрос: «кто, как Ты, Господи, между богами?» (Исх.15:11), и слова «у тебя только Бог, и нет иного Бога» (Ис.45:14)). Но постепенность победы абсолютного монотеизма не делает ее менее чудесною, и особенно чудесно здесь то, что устранение всякого антропоморфизма не повело в Ветхом Завете (как то случилось после в иудейской теологии и христианской схоластике) к ограничению понятия Бога безжизненной схемой, абстракцией. Напротив, Бог Ветхого Завета есть живой Бог, всюду, в любви и в гневе, действующий с энергией личности, как скала, на которой утверждается вера, как цель, на которую направлены надежда и воздыхание благочестивых. Самые метафизические свойства Божьи – вечность, всеприсутствие и всеведение у псалмопевца (для вечности: Пс.89 (90), 1–2 и дал.; для вседущия и всеведения: Пс.138 (139)), превращаются в свободную от схоластики проповедь, понятную сердцу и совести, – в богопознание, о котором мы должны сказать: не плоть и кровь открыли ему это. При этом отнюдь нельзя в изучении ветхозаветного учения Бога ограничиваться одними лишь так называемыми классическими местами (*dicta probantia*); важно именно последовательное чтение этих мест в контексте, – только так открывается их истинный смысл, их несравненная божественная высота. (Это, напр., надо сказать о Пс.138 (139), 89 (90), 72 (73) и многочисленных других). И молитва ветхозаветная, как необходимое проявление религиозной жизни, как несознательное дыхание религиозной души, является высоким образцом (от молитвы, Иакова (Быт.32:9–12), до несравненного слова Иова (Иов.1:21)), неотделимым от родной ей почвы ветхозаветной религии. Но главное, на чем, прежде всего, основывается непреходящее значение Ветхого Завета, состоит в том, что он с безусловной несомненностью заверяет факт и сущность божественного плана и пути спасения, который в Новом Завете, в лице и деле Иисуса Христа, нашел свое завершение и исполнение. Действительность такого пути и плана доказывается не одной высотой и чистотой ветхозаветной этики и догматики, но более всего фактом существования в Ветхом Завете органов служебных этого домостроительства – пророков, – фактом,

окончательно уничтожающим все эволюционные теории, всякое сведение идей Ветхого Завета к человеческой рефлексии. Как происходило непосредственное общение пророков с Богом, это – конечно, тайна. Но действительность такого исключительного служения их Богу и истории спасения убедительнее всего доказывается непреоборимостью Слова Божия, которое побуждало пророка выступить на служение даже против своей воли (пример пророка Ионы; ср. изречение пр. Амоса (Ам.3:8) и особенно (Иер.20:7–9)). Главная цель пророческой проповеди (особенно до плена) – возбуждать и питать в народе истинное сознание и исповедание греха и стремление к истинному избавлению силою Бога. С проповеди о покаянии начинается своя деятельность и Христос Спаситель (Мф.4:17), как и Его предтеча (Мф.3:2). Так Господь прямо следует пророкам и тем свидетельствует, что Бог, открывающийся в нем теперь, – тот же, который некогда говорил Израилю через пророков. Он совершает дело, которое было начато в Ветхом Завете, через это свидетельство Господа Ветхий и Новый Завет соединяются в неразрывное единство: никто не может достигнуть основательного понимания Нового Завета, если он не ознакомился близко с его предположением-Ветхим Заветом. Этой необходимостью Ветхого Завета само собою доказывается и его непреходящее значение.

Таково содержание интересного чтения проф. Кауча, чтения, не только отмеченного редким знанием Ветхого Завета, но и проникнутого глубоким искренним религиозным чувством. В первом отношении для нас, конечно, лишены значения некоторой школьной и конфессиональной особенности воззрения автора (выраженные им, впрочем, весьма слабо) например, резкое суждение автора по вопросу о боговдохновенности Библии. Но указание и освещение основных пунктов вопроса о непреходящем значении Ветхого Завета произведено автором, при всей сжатости его чтения, с замечательной точностью и возможной полнотой, вследствие чего брошюра автора является как бы программой всего научного исследования Ветхого Завета с его идейной стороны. Основной тезис свой автор доказывает не только с полной силой логической убедительности, но, будучи глубоко убежден в его истинности и проникнув любовью к делу изучения Ветхого Завета вообще, интуитивно располагает читателя к принятию тезиса автора. И словом и примером побуждает он к тщательному чтению и изучению Ветхого Завета, к усвоению его вероучительного и нравоучительного содержания, к восприятию его художественных красот, к пониманию его исторического интереса и значения. Помимо поучительности для христианского

общества воззрений автора об изучении Ветхого Завета, воззрения эти являются знаменем времени и для положения Ветхого Завета в христианской школе, в частности, в России. В то время, как у нас на святой Руси, некоторые неумеренные ревнители светской школы (из газетных писателей) приходят к мысли об устранении Ветхого Завета из числа предметов школьного обучения, рекомендуя заменить его мироведением и подобными, *sui generis*, дисциплинами, – западный ученый доказывает всю тщету подобных измышлений – всякого рода замены Ветхого Завета какими-либо суррогатами. «Кто, – скажем словами нашего автора, – думает игнорировать влияние идей Ветхого Завета на все мировоззрение христианских народов, или же думает разом разорвать ту связь, которая нас соединяет в бесчисленных пунктах с той культурной областью, – тот этим доказывает лишь то, что он отнюдь не имеет правильного представления о силе и важности этой связи!»

Примечания

¹ - У лютеран, как у католиков, первые две заповеди десятословия считаются за одну, поэтому шестая заповедь (не убей) оказывается у них пятой, седьмая – шестой и т.д. (десятая же разделяется на две)

² - Особенно ясно выразил эту идею св. Иоанн Златоуст.

Содержание

Протоиерей Александр Глаголев Непреходящее значение Ветхого Завета профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Примечания	11